

ЛЕНА ПЕТСОН

У Ромео нет сердца

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П29

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Оформление серии — *Анна Гайворонская*

Петсон, Лена.

П29 У Ромео нет сердца : [роман] / Лена Петсон. —
Москва : Издательство АСТ, 2016. — 224 с. — (TeenLife).

ISBN 978-5-17-100149-0

Внешне она одинокий, колючий еж, внутри — романтическая Джульетта. Неожиданно школьница-изгой получает роль в фильме по пьесе Шекспира, но почему именно она? Вскоре удивление перерастает в страх: ведь в роли Ромео парень, в которого девушка тайно и давно влюблена. Но окажется ли он ее настоящим Ромео? Способен ли он любить? Тайны шоу-бизнеса, новая любовь, зависть, сомнения, страх... Справится ли она с этими испытаниями?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100149-0

© Л. Петсон, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Люблю

Глава первая

Милый мой, любимый... где ты сейчас... чем занимаешься? Улыбаешься или грустишь? Прежде я никогда не испытывала ничего подобного, была слишком труслива: боялась, что ты разобьешь мне сердце, и потому уже заранее простилась с тобой и тосковала. Похожа ли моя грусть на твою?

Теперь все изменилось, я уже не боюсь. Мечтаю о лучах солнца на наших лицах, о поцелуях под летним дождем, о твоих руках, осторожных и импульсивных. Где же ты? Похожи ли твои мечты на мои?

Вчера мне исполнилось восемнадцать. Праздник прошел как обычно. Ничем не примечательный дождливый ноябрьский день и торт со сливками. Уже сутки, как ничего не меняется. Дождь все так же моросит, а ветер терзает ветви деревьев. Остатки торта — на тарелке передо мной. Кончиком ложки я зачерпываю немного сливок и пишу: «Люблю». Я подтягиваю колени к подбородку. Табурет слишком мал для моего несуразного тела, онемение и холод в поясице наступают практически сразу, а ноги постоянно норовят соскользнуть на пол — я едва держусь на весу.

Сейчас меня не волнуют ни собственные печали, ни чьи-то чужие заморочки. Пустота и боль. Дождь и ветер за забрызганным каплями окном. Я давно привыкла к мысли, что у меня есть только я. У меня нет друзей, только Маринка. Ну, и брат Димка, но о нем... я подумаю о нем потом.

Я сторонюсь одноклассников, поглощенных не столько собой, сколько внешним отражением себя — собственной

крутостью на снимках селфи, бахвальством и «драмами» в якобы остроумных твитах. Маринка такая же, как и все они. Даже хуже, она гордая и излишне самоуверенная — и оттого ее одиночество еще болезненнее моего.

Почему я дружу с ней? Нет, не так. Почему она стала моей подругой? Кто, как не я, лучше всего оттенит ее яркую индивидуальность? Кто, как не я, лучше всего подчеркнет своей бледностью ее яркую красоту? Мы как блюз и хип-хоп, как янтарь и стразы, как туман и солнечный свет. Она — дочь режиссера и известной актрисы. Я — дитя инженеров. Она чувственная и эмоциональная. Я никто, я серость, я механизм. Мне запрещено клянчить и реветь, мне запрещено быть девочкой, мне можно только терпеть. Я люблю ее. Люблю Маринку — свою противоположность, свое второе «я»: несколько развязное и театральное. Понимаю, принимаю, люблю... и терплю.

До седьмого класса мы практически не общались. Она всегда входила в класс последней, уже после звонка, высокая и красивая. В каждой черточке ее лица, в гордо поднятой голове, в неспешной походке — во всем читалось: «А вот и я, аплодисментов не нужно». Мальчики Маринки сторонились, страдая от ощущения собственной неполноценности, которое внушала им ее величественная, холодная красота. Девочки ненавидели открыто и так сильно, как можно ненавидеть свою мечту, зная о том, что ей никогда не суждено сбыться. С появлением в школе ее старшего брата эта ненависть усилилась в тысячу раз.

* * *

В первый раз я увидела Марка чуть более четырех лет назад, первого сентября. Он проплыл мимо меня на велосипеде, его белая рубашка развевалась на ветру — и я живо представила, что это мой принц мчит ко мне

У Ромео нет сердца

под белым парусом. Конечно же, мы должны были столкнуться. Парусник собьет меня с ног, и принц поможет подняться. Наши взгляды встретятся, и мы непременно будем хохотать минут пять, прежде чем узнаем имена друг друга. Но... прошла пара минут, мой «герой» вновь возник передо мной, теперь он ехал в обратную сторону: я слышала его смех и видела его взгляд, полный любви. Только смотрел он не на меня. Вместе с ним ехала девушка. Она была милой. Слишком милой. И в тот момент я впервые узнала, каково это, когда щемит внутри...

Марк был чрезмерно красивым, временами чересчур отстраненным, однако его холодная красота располагала к себе. Он был из тех, кого невозможно не заметить и невозможно забыть. Он обладал внешностью Гамлета: открытым, грустным лицом, в выражении которого читалось что-то мятежное и загадочное, что мне, как девушке романтически настроенной, очень нравилось. Практически сразу после его появления в школе все мои одноклассницы стали мечтать о том, чтобы покорить этот Эверест. Высокий и неприступный.

Вот только у Марка уже была муза, и он смотрел лишь на нее — милую блондинку из десятого класса. Вне школы Лиза всегда носила светлые длинные платья, в которых выглядела, словно барышня из дворянского гнезда. Ей не хватало только широкополой шляпы, украшенной бутонами роз, но я сама мысленно водружала эту шляпу на ее миниатюрную голову. Так моя боль становилась сильнее.

Вскоре я поймала себя на мысли, что каждый раз, возвращаясь из школы и проходя мимо развилки, где я встретила Марка впервые, с замиранием сердца жду, когда мелькнет его рубашка. Я замедляла шаг, а иногда даже останавливалась, если время не торопилось; и делала вид, что спешу, услышав шуршание по асфальту велосипедных шин. Еще через месяц я стала прятаться от

Лена Петсон

них за холмом. Влюбленная парочка и без того никогда не обращала на меня внимания, но благодаря укрытию я окончательно утратила ощущение реальности и могла мечтать безнаказанно. Теперь я позволяла себе большее. Я не видела Лизу, рядом с Марком в моих мечтах была я. Этим я жила. Так мне нравилось...

Я была безоблачно, как-то по-идиотски счастлива, что у меня появилась своя тайна, которая связала меня с другими — такими же, как и я, влюбленными дурочками, мечтающими об этом загадочном принце. Так я больше не чувствовала себя одинокой...

* * *

В седьмом классе моей мечте все же суждено было сбыться — мы с Марком столкнулись, и он — о, чудо! — даже заметил меня. Но, как это обычно бывает у неудачниц вроде меня, все произошло вовсе не так, как я когда-то себе представляла.

Это случилось после длительной болезни Димки. Мама не могла позволить себе не ходить на работу, поэтому мне пришлось пропустить много уроков, чтобы приглядывать за братом. Три недели мы провели с ним, как два одиноких сыча. За это время я истосковалась по своим тайным страданиям, поэтому, как только заточенье закончилось, я прибежала к развилке. Я ждала у дороги и была готова в любой момент изобразить, что иду по делам и очень спешу. Был май, но стояла изнурительная жара, поэтому довольно скоро я устала от безжалостного, навязчивого солнца.

Неподалеку разворачивалось строительство чего-то нового, наверное, в будущем очень красивого. Шум техники заглушал даже стук моего неугомонного сердца, и не было ни малейшего шанса расслышать шорох велосипедных шин. Боясь пропустить встречу с Марком,

У Ромео нет сердца

я стала медленно пятиться за холм, чтобы спрятаться там от солнца. Почва была мягкой, песчаной, поэтому, когда моя пятка уперлась в камень, я вздрогнула и чуть не скадилась вниз, к дороге, но чьи-то руки подхватили меня. Я обернулась — и уперлась подбородком в грудь Марка.

— Снова ты, — сказал он.

Я в отчаянии закрыла глаза. Так и знала: я давно уже научилась наслаждаться своей тайной жизнью и смаковать свою безответную любовь — но это не могло долго продолжаться. Видел ли он, что я стояла у дороги?

После всего этого мне оставалось только пробормотать что-то невнятное и сбежать. Так мы и познакомились: бездарно и глупо. Иногда знакомство бывает таким, что хочется обо всем забыть и начать сначала.

* * *

На следующий день я шла в школу в дурацком настроении. Я пропустила много занятий, и эта мысль грузом из невыученных уроков тащилась вслед за мной. Первая парта в углу у окна, как всегда, ждала меня. Это было единственное место в классе, которое принадлежало только мне: никто не хотел сидеть нос к носу с учителем.

До урока химии все шло неплохо, я сидела тихо, меня никто не замечал.

— Лабораторная работа. Надо разбиться по парам, — сказала химичка.

Вообще в этом не было ничего нового, такие моменты всегда еще больше подчеркивали мое одиночество, но в тот день мне меньше всего хотелось тратить силы на самоутешение. Все зашуршали, перемещаясь с парты за парту. Вскоре все стихло. Все нашли себе пары, — я сидела одна, сжимала в руке пробирку с теплой розовой жидкостью, и мне хотелось плакать.

— В любом случае надо заниматься в группе, — сказала, глядя на меня, учительница и отвернулась к доске, показывая, что разговор окончен и я сама должна что-то предпринять.

Я с отчаянием смотрела на ее спину. В этот момент в класс вошла Марина. Она, как всегда, опоздала.

— Мы работаем по парам, — бросила в ее сторону химичка.

Не помедлив ни секунды, Марина прошла вдоль первых парт и села рядом со мной. Я чуть было не рассмеялась от неожиданности, но осеклась, когда увидела, что почти весь класс смотрит на меня. Иногда смех — это слезы, которые невозможно сдержать на публике. Марина взглянула на меня с насмешливым вызовом, и я заерзала на стуле. Учитель говорила о каких-то реакциях, щелочах и кислотах. Но я не слушала ее; утратив одиночество, я смотрела на длинные пальцы моей новой напарницы, на то, как ловко она орудовала всеми этими колбочками и пробирками.

Уже на следующее утро я шла в школу, куда более уверенная в себе. Еще накануне, сразу после урока химии, я заметила, что одноклассницы стали смотреть на меня как-то иначе. Я была уверена, что это связано с Маринкой. Однако когда простой интерес сменился активными попытками заговорить со мной, я поняла, что для такого эффекта должен быть более серьезный мотив.

Пару дней я пыталась разгадать этот ребус, прежде чем узнала, что всему причина — моя встреча с Марком. Оказалось, кто-то видел нас тогда у холма. Инцидент на уроке химии стал лакмусовой бумажкой, все решили — если мной интересуется еще и его сестра, значит, между мной и Марком есть какая-то тайна. Но поскольку на самом деле меня связывали с ним только мои мечты, и вскоре это стало всем очевидно, я вновь стала для одноклассни-

У Ромео нет сердца

ков серой мышкой. Однако теперь рядом со мной была Маринка.

С тех пор так и повелось: она — первая, я — вторая. Ей нравилось блистать на моем фоне, а мне — заряжаться ее энергией, и еще — с ней мое одиночество перестало быть черным, и мне нравился этот серый цвет.

* * *

Сегодня большинством моих удовольствий я обязана Маринке, вернее, деньгам ее семьи. Я обязана им наслаждением мчаться по городу в машине, надеть дорогое платье, выпить кофе в модном кафе, спешить в те места, где, по мнению моей вездесущей подруги, нас ждут приключения и соблазны. Да, за годы нашей дружбы она сильно изменилась, но сейчас мне не хочется думать об этом.

Я рисую ложкой на блюде сердечко из сливок и пишу: «Люблю».

Где же ты? Где, мой милый? Я тебя жду. Так долго жду...

В эту минуту исчезает все: место, время, мечты и планы, — остаются только неудобный табурет подо мной, моя рука с чайной ложкой, блюдец с остатками вчерашнего торта и мысли о тебе.

— Я здесь. Хочу пить, — без эмоций вдруг выдает Димка из своей комнаты.

На секунду мне кажется, что мне никогда не сбежать из этой своей жизни. Меня охватывает ужас, самый настоящий ужас. Мое сердце рвется с цепи, а рука судорожно сжимает ложку и, метнувшись в сторону, сбрасывает блюдец со стола. Ба!

Еще секунда, — и звонит телефон. Я сжимаю трубку.

— Алло, здравствуйте, это Юлия?

— Здравствуйте. Да. Это я.

Лена Петсон

— Вы не прислали нам фото в профиль.

— Простите, что?

— Вы не прислали нам фото в профиль.

— Извините, вы, наверное, ошиблись. Какое фото?

Кто вы?

— Вы прислали нам свою заявку на кастинг. Все хорошо, только не хватает вашей фотографии в профиль...

— Простите, но я никому ничего не отправляла, вы точно ошиблись.

В ответ женский голос что-то тараторит: среди прочей информации я слышу свое полное имя, телефон и адрес, — и мне не остается ничего другого, как подтвердить: «Да, это я». Я чувствую, что присутствую на спектакле и происходящее на сцене нисколько от меня не зависит. В итоге я записываю адрес, обещая обязательно прислать нужное фото.

Выключив телефон, я долго стою посреди комнаты и прислушиваюсь к собственному нарастающему волнению. Что это было? Какой-то очередной Маринкин план? Тогда почему она не рассказала мне о нем? Чем дальше, тем меньше разумных объяснений нахожу я этому звонку. Да, сама Маринка любит бегать по всевозможным кастингам, особенно танцевальным. Она занимается балетом и мечтает прославиться, а чтобы осуществить это, делает ставки не только на балет...

Но при чем тут я? Если она и таскает меня с собой, то только в качестве группы поддержки. До меня самой никому нет дела...

* * *

Осколки блюда — я вспоминаю о них лишь тогда, когда один из них впивается мне в ногу. Рана небольшая, но я кричу от злости. В этот момент мое второе «я» вы-

У Ромео нет сердца

рывается наружу: я стремительно бегу в ванную, чтобы промыть рану, взять швабру с совком и замести останки бывшего блюда. Я делаю все максимально быстро: мне нужно срочно избавиться, избавиться от них. Причины всех моих бед я сейчас вижу только в этих осколках. Боясь увидеть истинные мотивы своих несчастий, мы часто тратим свой гневный пыл на то, чего уже не склеить.

— Пить. Хочу пить, — зовет Димка.

Я бегу в комнату брата. Изматывающее чувство, преследующее меня всю сознательную жизнь, — никогда не дремлющее чувство ответственности. У Димки аутизм. Он старше меня, но абсолютно беспомощен. Две недели назад он умудрился сломать ногу и теперь практически полностью зависит от меня. Видя, как Димка жадно пьет воду, я в очередной раз вспоминаю об отце, который покинул нас почти сразу после моего рождения. Мама уверяет, что он разлюбил ее, не выдержав эмоциональной нагрузки, двух маленьких детей, сосок, каш, громкого плача. И мои мысли невольно переносятся к ней: постоянно грустной и одинокой, измотанной нехваткой денег и вечными подработками...

Но почему все это в моей жизни? Думая так, я сажусь на кровать с сильно бьющимся сердцем, твердя себе, что это глупо и чудовищно — так жалеть себя, что я просто дрянная девчонка и не вправе позволять себе так думать.

Вновь звонит телефон. Я бегу на кухню и нахожу его дребезжащим на столе.

— Открывай дверь, давай! — кричит Маринка в трубку, и в ту же секунду звонит домофон.

Маринка врывается в наш дом с неумолкающей трескотней. С тех пор, как она начала влюбляться, она всегда была такой: суматошной и взбалмошной любительницей шума и гама. Если бы сейчас можно было продудеть в дуду, она непременно сделала бы и это. В мужском

обществе Маринка, как правило, намеренно сыплет глупостями, потому что ей кажется — это мило. В данном случае под мужским обществом подразумевается Димка. Он всегда слушает ее, затаив дыхание, и надо отдать ей должное — она ценит его чувства и не смеется над ними.

— Привет всем! — звенит Маринка. — Ну, чего вы тут сидите такие грустные! Айда бить в колокола!

— Где ты выражения берешь такие, доисторические, — бурчу я.

— А что? По-моему, прикольно...

Маринка, как хищник, набрасывается на компьютер, втыкает в него флешку, несколько секунд щелкает мышкой и с гордостью плюхается рядом с Димкой, закинув ногу на ногу. Он опускает голову, прячет глаза, любезным бормотаньем приветствуя ее появление.

— Ди-ма, — медленно произносит Марина. — Я принесла тебе чудо-фильм. Чу-до! Ты же любишь кино? Любишь или нет? Да или нет?

— Любишь. Да, — отвечает обалдевший от обилия информации Димка.

— Ну, тогда ты смотри кино, а мы с Юлькой съездим по делам. Когда фильм закончится, мы приедем. Понял?

— Понял.

Меня не нужно уговаривать. Пока Маринка обсуждает с Димкой фильм, я интенсивно переодеваюсь. Меня переполняет радостное возбуждение, как и всегда, когда мы с ней куда-нибудь выезжаем из моего склепа. И, как всегда, это чувство — с примесью вины. Димка и в самом деле все понимает и хочет большего. Целуя его на прощанье, я каким-то неведомым образом вдыхаю этот его порыв — вырваться, как и я, из дома, перейти границы собственного тела, полноценно наслаждаться обществом тех, кто ему дорог. Он сидит с загипсованной ногой, полузакрыв глаза и грустно улыбаясь. Мы выходим, оставляя его одного.

У Ромео нет сердца

* * *

Полгода назад Маринке исполнилось восемнадцать, и вот уже полгода, как третьей соучастницей наших безрассудных поступков является красненькая букашка-машинка. Она — наш маленький секрет, тайное орудие совместных безумств. Моя богемная подружка боится школьных завистниц и потому, если и приезжает на учебу на своей букашке, то паркует ее в квартале от школы. Все остальное время этот чудо-автомобиль помогает нам изображать какую-то другую жизнь и других себя. Иногда мы разъезжаем на нем по городу в образе веселых студентов, беззаботных красоток или сильно занятых девушек, спешащих по делам. Например, как сейчас...

Я умираю от желания рассказать Маринке о звонке, потому что это единственное стоящее событие, произошедшее со мной за то время, что мы не виделись.

— Мне сегодня звонили с какого-то кастинга, — говорю я, наблюдая за реакцией подруги. — Ты не знаешь, о чем речь?

— Кастинг? Ну, я участвую сейчас в нескольких... Уже запуталась, если честно. Везде нужны деньги и связи, понимаешь? Везде. Голова кругом уже...

Я не попадаю в цель. Очевидно, что Маринка ничего не знает ни о каком кастинге, и ей в принципе не так уж и важно, о чем я сейчас говорю. Она думает о своем — своих планах, целях и мечтах.

— Ну да ладно. Это неважно.

Я говорю это не вполне искренне. Впрочем, сейчас у меня нет времени думать о каких-то фотографиях, мне нужно использовать каждую минуту вне дома, чтобы отдохнуть. Из динамиков ненавязчиво льется музыка. Маринка управляет машиной и восторженно расписывает, какой восхитительный вечер мы проведем, работая над

ее портфолио. От нее, как всегда, веет дорогим парфюмом, бездумными встречами и шумными вечеринками — и я спешу насладиться этим ароматом свободы.

— Ни одна уважающая себя светская львица не может обойтись без профессионального портфолио, — говорит она, а затем, не оборачиваясь, роняет небрежным тоном: — Ну, и тебе пару фоток сделаем, ты не против?

Мне смутно думается: «Конечно же, я не против, только на меня у нас, как всегда, не найдется времени».

— Игорь обещал, что я буду очень довольна, — продолжает она. — Правда, я забыла ему сказать, что приеду не одна, но, в конце концов, это же не свидание, правда?

На секунду я задумываюсь, кто такой Игорь, но решаю пока не выяснять. Я говорю ей, что рада ее видеть, и несую прочую девичью дребедень, которой обычно обмениваются подружки. И мы мчимся на ее красной машинке в насыщенное событиями будущее, довольные тем, что мы всегда ладим друг с другом.

* * *

Мы паркуем машину у киностудии. Потом долго идем по задворкам, вдоль гаражей и складов, попадая в мир какой-то компьютерной игры, где в одном из обветшалых строений нас наверняка поджидает снайпер. Мои руки нащупывают в сумке телефон и сжимают его сквозь материю. Левая нога попадает в трещину на тротуаре, и я падаю на колени, едва успев подстраховать себя руками. Стоп. Я слишком нервничаю, слишком сучусь, но Маринка упорно этого не замечает и продолжает уверенно идти все дальше и дальше. Я бегу за ней...

Наконец мы останавливаемся у большого здания, которое требует ремонта уже лет двадцать пять. Маринка

У Ромео нет сердца

стучит в огромную железную дверь, после чего наваливается на нее всем телом, открывает и протискивается в образовавшуюся узкую щель. Я иду за ней медленно и неуверенно, скованная неизвестностью и страхом.

Перед нами огромное темное помещение, где-то впереди горят несколько прожекторов. Постепенно глаза привыкают к темноте, и я понимаю, что внутри все очень даже неплохо: современный интерьер обычной фотостудии. Судя по кинофильмам и фотографиям в сети, именно так и должны выглядеть подобные места. Маринка ищет хоть кого-то на этих бескрайних просторах, я же тихо ерзаю на кожаном диване, что стоит в самом дальнем углу этого царства тьмы и фото.

Игорем оказывается фотограф: модный, лысый, загорелый, с маленькими глазками и приторным взглядом. Распахнув руки, он спускается по винтовой лестнице откуда-то сверху, словно птица с небес. Визгливо выкрикнув его имя, Маринка бежит ему навстречу. На парне узкие джинсы, и когда он наклоняется, чтобы обнять мою слишком эмоциональную подругу, я вижу резинку его малиновых трусов.

Размахивая каким-то фиговым листом, он вдруг объявляет, что ему жарко, и снимает майку, демонстрируя мускулистый торс. Маринкина трескотня внезапно усиливается и заполняет все вокруг, ее смех эхом разносится по ангару, а в моей голове звучит чей-то рэп: «Быть или не быть, дать или не дать, взять или не взять».

— Покажи, как все будет, так или нет? — звенит беззастенчивая Маринка.

«Такими темпами до самой съемки они дойдут очень не скоро», — думаю я. Еще чуть-чуть, и это начнет отдавать смесью клоунады с мелодрамой, но карие глаза Маринки так мило искрят кокетством, что я получаю удовольствие от этого любовного спектакля.